

Языки и традиции гражданского общества.

Круглый стол.

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Yaziki_Tetr_55.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

Языки и традиции гражданского общества*

Александр Согомонов, академический директор Центра социологического и политологического образования Института социологии РАН:

— Продолжая наш разговор, напомним одну художественную историю. Евгений Замятин и его роман «Мы», написанный в 1920 году в России во времена «военного коммунизма». В 70–80-е годы его читали в «самиздатовском» варианте. Роман поначалу воспринимался как пародия на коммунизм и его социалистическую практику. Недавно перечитав его, должен признаться, я понял, о чем он. Это вовсе не пародия на коммунизм. Это глубокое предвидение того, что может произойти, если мы во имя «беспечного благополучия» отказываемся от принципа свободы, из которого вытекают и демократия, и правовое государство, и гражданское общество, без которых немислима современная цивилизация.

Главный герой романа, от лица которого ведется повествование, рассказывает, какие с ним происходили превращения. Как в нем просыпается личность и растет чувство протеста против авторитарного строя. Сам Замятин был известным инженером, работал до революции в Англии, строил военные корабли, был активным участником революционных событий, с надеждой смотрел в будущее. И вдруг пишет роман-антиутопию. По сути, это была первая попыт-

ка взглянуть в непрозрачное и вовсе «не светлое» будущее.

Почему я все-таки думаю, что это не пародия на коммунизм? Потому что там нет прямого высмеивания идеологии государства советского образца. Писатель конструирует с помощью художественного вымысла, как вообще возможно общество, которое технологически высокоразвито, но не основано на принципах прав человека и свободы.

Прошло 200–300 лет — фантазирует Замятин — после так называемых древних времен (а древние времена — это XX век), то есть время тотальных войн, когда мало кто выжил, но зато оставшиеся в живых сотворили условия для «счастливого» человечества. Замятин иронизирует, посмотрите, что совершил первочеловек? Ведь он же жил в раю, в абсолютном благоденствии. Чего ему не хватало?! Свободы, пишет автор, вместо нее он предпочел благоденствие. Счастье не в свободе, а в благоденствии, которое создает тебе государство.

Понятие государства в романе часто заменяется термином «Благодетель». «Прекрасно и очень красиво наш Благодетель охраняет нашу несвободу, то есть счастье», — часто думает про себя главный герой. Ведь формула счастья проста, зачем тебе еще нужна какая-то свобода?

«Что дал ему Бог, кроме вечного поиска, не нахождения ни одного ответа в той жизни, в жизни древних людей, и постоянного мытарства, вместо того

* Окончание публикации материалов круглого стола, состоявшегося в Нижнем Новгороде. Начало см. в предыдущем номере журнала: «Общая тетрадь» № 1, 2011.

Ансельм Кифер. Библиотека. 1991

счастья и того благоденствия, которое подарили нам единое Государство и его Благодетели?» Вся жизнь в новом мире происходит на виду, она открыта и прозрачна, все стены стеклянные и все видят, кто и чем занимается. Почти нет никакой приватности, но разве она нужна для счастья? У каждого жителя было право раз или два в месяц получить талон на «сексуальные часы», и это было единственное время, когда герой имел право опустить шторы на своих окнах. Они все обожали звук опускающихся штор, потому что это был единственный момент, когда человек закрывался от внешнего мира. Потом эти шторы вновь поднимались.

И внезапно с главным героем происходит «страшное» — он влюбляется. Замятин показывает, как влюбленность и чувство близости с Другим начинают менять человека в глубинах его самости. Он в ужасе приходит в департамент здоровья и просит о помощи: «Мне кажется, я заболел». Ему говорят: «Да, ты очень сильно болен». — «А как моя болезнь называется?». — «У тебя появилась Душа». — «Скажите, а это тяжелое заболевание?». — «Это неизлечимо. Но не переживай, у нас сейчас многие болеют, это похоже на эпидемию».

Роман завершается апокалипсисом — развалом строя несвободного счастья и благополучия. Проснувшиеся души простых людей затребовали свободы, и всем стало ясно, что счастье и благополучие не дарятся, не гарантируются высшими силами, а свобода остается самой вожденной (пусть порой и мучительной) тайной социального бытия.

Замятин и сегодня актуален, когда, казалось бы, человечество окончательно отвергло всякие попытки построения земных утопий всеобщего благоденствия. Его предостережение созвучно нашим дебатам о гражданском обществе и свободе.

Давайте задумаемся, откуда берется сама «идея» гражданского общества?

Ведь ни у греков, ни у римлян мы ее не обнаруживаем — ни на референтном уровне, ни тем более в языке. Идеи демократии, законов и права, государства и публичной политики — да. Но не гражданского общества. Древние не мыслили себя «обществом» в нашем смысле, слишком иной была социальная культура античного мира, с другим — существенно отличавшимся от современного — понятием социума. Итак, откуда взялось «гражданское общество»? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, подчеркну, что далеко не во всех современных странах оно есть. Оно не автоматически присутствует в любом проекте модернизации (осовременивания). Скажем, существовало ли гражданское общество при советской власти? Многие считают, что существовало. Спрашиваешь, а как это может быть аргументировано? Ну, допустим, было общество филателистов, ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) и т. д. и т. п. Но были ли эти негосударственные формы объединения людей независимыми? Если вы посмотрите на список утвержденных ныне министерством юстиции некоммерческих и негосударственных организаций, то увидите, что и в нем более 90% общественных юрлиц именно такие, которые объединяют людей по определенным интересам. Казалось бы, и сейчас по интересам, и тогда. Но этот аргумент «за», на мой взгляд, не имеет отношения к понятию «гражданское общество».

То, что, как нам кажется, было гражданским обществом в СССР, часто называлось еще «общественность». А на самом деле было закамуфлированным инструментом партийно-государственного контроля. «Социалистическая общественность» никогда не выносила вердиктов в защиту свободы человека. И в этом смысле была, конечно же, репрессирующим механизмом. Малоэффективным, особенно в брежневскую эпоху, но все-таки репрессивным механизмом. Поэтому сегодня нам важно

понять: гражданское движение в конце 80-х годов мы начали фактически с нуля. И на протяжении последних двух десятилетий ясности в отношении того, что такое гражданское общество, у большинства россиян не прибавилось. Социологические исследования показывают: среднестатистический россиянин политически апатичен, у него отсутствует интерес к публичной жизни. По сути, он принял предложенную ему «сверху» модель гражданской принадлежности: *гражданин — это непубличный защищенный потребитель*. И пока мы видим триумфальное шествие этой культурной модели по стране.

Все выходит по Замятину: счастье — в бытовом благополучии и несвободе. Следует ли принимать условия свободы, если они предполагают ответственный политический выбор, который необходимо совершать ежедневно и своей публичной жизнью подтверждать его? Зачем такая свобода мне нужна?! Известно, что Замятин не-сколько раз перечеркивал титульную страницу своей книги, не мог придумать название романа. И назвал его в конце концов «Мы». К 1921 году закончилась гражданская война, начался НЭП, но Замятин тогда уже чувствовал, что это аморфное «мы» как отказ от свободы будет становиться с годами все более значимым. Но его предостережение так и осталось не услышанным.

И еще одна художественная история. Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес, тонко чувствовавший несовпадение языков и культур, придумал очень правдоподобную мистификацию, как будто бы основанную на подлинных документах. Якобы однажды в средневековой Испании известный мусульманский мыслитель Аверроэс (Ибн-Рушд) стал переводить на арабский язык «Поэтику» Аристотеля — одно из главных его произведений. «Поэтика» — это не только анализ литературных жанров, но и описание того, в какой степени гражданская и культур-

ная жизнь человека соответствует языку. И Аверроэс в процессе перевода наталкивается на понятия «трагедия» и «комедия». Он блестяще владел древнегреческим языком, но как перевести эти слова на арабский? Что они могут означать и с чем их можно соотнести в жизни правоверных арабов?

Ладно, думает он, пропущу в одном месте. Читает дальше — опять «комедия» и «трагедия». И он начинает понимать, что это два главных понятия для описания феноменов, которые не существует в его культуре! Он берет других интерпретаторов Аристотеля и не может найти ничего подходящего. И тогда, пишет Борхес, Аверроэс решил: пускай это будет иной опыт, а я возьму для перевода слова из нашего языка. Он взял Коран, нашел в нем два «соответствия», которые, как вы понимаете, ничего общего с трагедией и комедией не имели, поскольку в «Поэтике» речь шла о культуре, важное место в которой занимал театр. То есть публичное пространство, где люди играют разные роли, и когда политика это театр и общественная жизнь — театр. Словом, когда социальная драматургия и театральное представление взаимосвязаны. Аверроэс жил в XII веке в испанском городе Кордова, в котором по тем временам насчитывалось несколько десятков тысяч жителей. В нем были сотни общественных бань и публичных библиотек, но не было театра, и люди не знали о публичной жизни в античном смысле слова, не понимали, что такое «трагедия» и «комедия».

Повторяю, Аверроэс, согласно Борхесу, использовал для перевода слова из Корана, хотя мог отказаться от этого и просто заимствовать два древнегреческих слова и ввести их в свой арабский язык, как поступали другие народы (с помощью транскрипции или транслитерации). Но он выбрал первый путь.

Вопрос: как осуществляются обычно культурные заимствования? Либо, всматриваясь в чужой опыт, обозна-

чают его словами-ярлыками из родного языка. Либо заимствуют понятия, полагая, что референт и его языковая оболочка неразделимы. Считается, что в первом случае важнее собственный опыт, а во втором — аутентичные смыслы и открытость к культурному влиянию извне.

Впрочем, не все культурные заимствования и речевые высказывания строятся по принципу комплиментарности опыта и языка. В Европе заимствования в сфере общественной и политической жизни чаще всего совершались в логике нераспортированности опыта и языка. В нашей же истории, согласно известному выражению, говорим одно, а подразумеваем другое, и по-прежнему остаемся поборниками национальной суверенности смыслов, вкладываемых в иностранные слова. Например, употребляем универсальное понятие «демократия», а имеем в виду нечто свое, особенное.

Вспомним снова о Советском Союзе. Практически вся общественно-политическая лексика тогда была заимствованной, что не удивительно, поскольку сама идея «коммунизма» тоже была заимствована. Но «игра в слова» при этом приобрела беспрецедентную масштабность. О сталинской конституции и сегодня говорят как о самой передовой для своего времени, но за провозглашенными в ней «свободами» скрывалась абсолютно иная реальность. Демократия, гражданственность, право... Список лексических перверсий можно продолжить.

Или еще в качестве примера — один из лозунгов того времени: «Человек человеку друг, товарищ и брат». Этот лозунг как нельзя лучше выражает двусмысленность коммунистического намерения — весь понятийный ряд, при всей его личностной привлекательности, не общественного свойства. Таких форм общественной солидарности, как силь-

ное соседство, независимые профессиональные союзы, гражданское самоуправление, советская власть опасалась, как и любых других горизонтальных связей в обществе, которые могли бы противостоять ее идеологии. Ей было комфортнее иметь дело с неприхотливым «простым» советским чело-

А. Согомонов: На протяжении последних двух десятилетий ясности в отношении того, что такое гражданское общество, у большинства россиян не прибавилось

веком, не включенным ни в какие независимые общественные структуры.

Юрий Сенокосов, основатель МШПИ, директор издательских программ:

— Александр Юрьевич, прошу прощения, что прерываю тебя. Действительно, в СССР была «идеальная» конституция. Ведь большевики мечтали, как известно, построить идеальное бесклассовое общество и исходили из представления об идеальности человека, а управляли страной с помощью насилия и пропаганды. То есть стремились материализовать идею создания нового человека, тогда как настоящие идеалы предполагают, конечно, ясное осознание человеческого несовершенства. А если мы думаем одно, а делаем другое, отсюда и возникают лексические перверсии, искажение смыслов употребляемых слов. Поэтому нам надо учиться, я считаю, претворять наши идеалы с позиции трезвого понимания человеческой природы. Это относится как к государственным, так и к общественным институтам, которые ведь изобретались когда-то, как показывает опыт западных демократий, не для насилия, а для его ограничения. Идет ли речь о парламенте, судебной системе, независимой прессе и т. д.

Александр Согомонов:

— Вернемся к лозунгу «Человек человеку друг, товарищ и брат». Можно ли понять, каким конкретным социальным смыслом наделены эти понятия? Разумеется, нет.

Гражданское общество — уникальный культурный продукт многовековой европейской интеллектуальной мысли, и нет образцовых стран для подражания. Хотя самой идее гражданского общества более 300 лет, в течение этого времени на смену одним концептам приходили другие, но «старое» никогда не отвергалось полностью, в силу чего его описание напоминает своего рода многослойный языковой и понятийный «пирог».

Что такое гражданское общество? Может ли современное общество быть не гражданским? Об этом сказано и написано много, но некоторые акценты мне все же хотелось бы сделать.

В европейских языках слова, происходящие от латинского «civilis», соотносятся с универсальным пониманием «гражданского» как «городского», «буржуазного». Им маркируют современное общество открытого типа, основанное на правах и свободах граждан. Гражданское общество немислимо без свободных и активных граждан, включенных в общественную жизнь и публичную политику. Нерыночное общество вряд ли сформирует гражданское общество. С этой точки зрения эти понятия в определенном смысле тождественные. Правда, рынок не единственная его предпосылка, но очень значимая. Важными условиями генезиса гражданского общества являются верховенство права и независимые общественные институты, в противном случае, даже появившись, оно проигрывает государству.

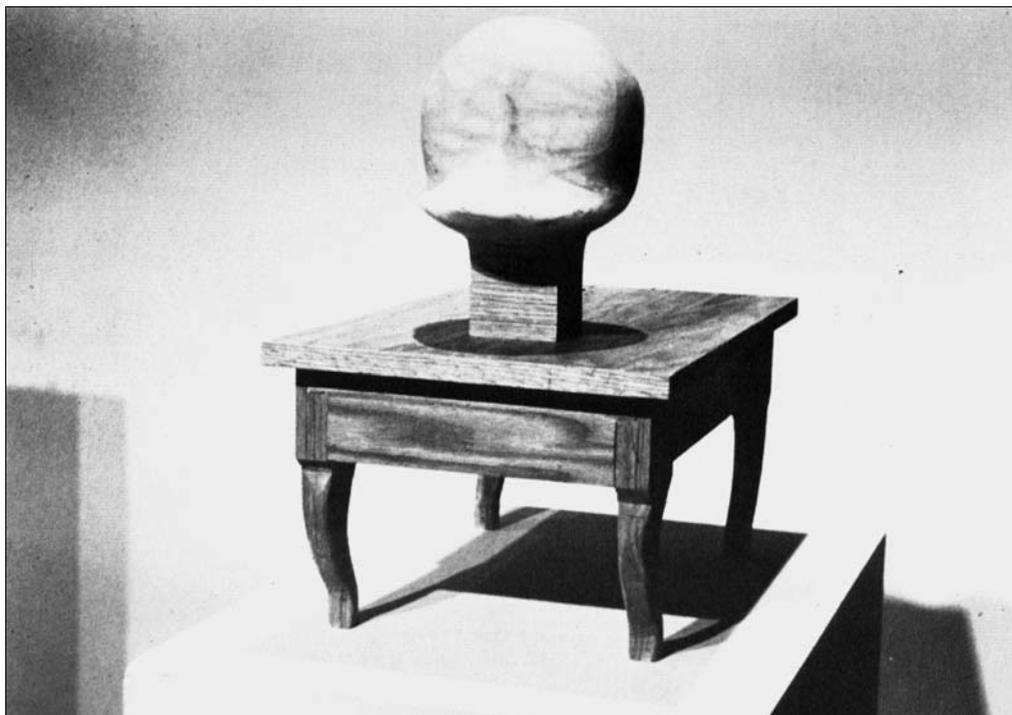
Гражданский, общественный, мещанский, цивильный, штатский, публичный — все эти определения социальной идентичности человека пришли в русскую культуру из разных европейских языков. Штатский — это не военный. Цивильный — образованный, воспи-

танный. Гражданский — участвующий в общественной жизни, и т. д.

При этом подчеркну, что «гражданское общество» только в течение первых трех столетий Нового времени «изобреталось» не менее четырех раз. И каждый раз это было культурное открытие, существенно влиявшее на ход западной и мировой истории.

Сегодня мы не различаем автономности этих открытий. Но, поскольку речь идет о формировании гражданского общества в нашей стране, имеет смысл посмотреть ретроспективно на его историю. Но прежде помечу, что очередной всплеск интереса к теме гражданского общества в мире произошел в последней четверти прошлого столетия после начавшейся перестройки в СССР.

Итак, о первом открытии идеи гражданского общества — в английской протестантской среде. Джон Локк, который был протестантом, во второй половине XVII века впервые сформулировал принципы либеральной политики. Его знаменитые трактаты о государстве, правительстве и образовании актуальны и сегодня. Он доказывал право людей на объединение в политическое и гражданское сообщество, считая, что арифметическая сумма людей, проживающих на определенной территории, еще не является «обществом». Чтобы оно появилось, людям необходимо объединиться на основе солидаристически разделяемых принципов и ценностей. На низовом уровне они организуют свою жизнь без участия государства. Там же, где недостаточно гражданского единения, создается политическое сообщество, миссией которого является контроль над правительством. Гражданское общество, по Локку, обладает экстраполитической сущностью, оно принципиально выведено им за пределы государства, и главное, что делает его институциональной формой общественной солидарности, — это общие ценности. «Святая святых» гражданских ценностей, согласно Локку: ценность собст-

???????

венности, ценность жизни, ценность здоровья и ценность свободы.

Интеллектуальная сила Локка оказалась столь велика, что Европа и Новый свет (Америка) в течение десятилетий находились под влиянием его идей. Причем не только протестанты.

Католический ответ на протестантский вызов последовал в начале XVIII века, придав «гражданскому обществу» более глубокое обоснование. Французский иезуит — поклонник Локка — Клод Бюффье, у которого учились Дидро, Руссо, Монтескье и другие деятели Просвещения, закрепил в европейской философии сам этот термин, вынеся в заголовок своего сочинения относительно новое для европейской мысли словосочетание «*Traité de la société civile*» («Трактат о гражданском обществе», 1726).

Для Бюффье «гражданское общество» — это этическая категория, помогающая людям осознать чувство взаимного долга, что такое честность, справедливость, и в конечном итоге мотивирую-

щая их к достижению общего блага. Из этой католической традиции родилось этическое понимание гражданственности, которую сохранили французские энциклопедисты, цитировавшие Бюффье целыми страницами.

Таким образом, если протестант Локк, веривший в индивидуальные возможности и жизненные шансы человека, определял «гражданское общество» экстраполитически, вывел его из-под государственной опеки и провозгласил автономным, то Бюффье и последующая католическая традиция перевели внимание на моральное принуждение «жить обществом», а не просто «быть в обществе». И тем самым совершили «культурную революцию», сконструировав новое представление об обществе, непохожее на предшествующие исторические формы социума.

В дальнейшем это открытие способствовало кристаллизации в европейской мысли таких понятий, как демократия и рынок, а не наоборот, как может показаться на первый взгляд. С тех пор демо-

кратия, рынок и гражданское общество фактически утратили свой суверенный смысл.

Юрий Сенокосов:

— Поскольку речь зашла о демократии, напомним о двух ее моделях: прямой и представительной. Чем они отличаются? Тем, что в условиях прямой демократии власть принадлежит народу, а представительная демократия означает, что ее представляют люди, сами властью не обладающие. И хотя в конституциях современного государства говорится, что власть принадлежит народу, на самом деле она принадлежит тому, кто обладает правом на закон. Или, точнее, тем, кто после выборов обладает правом на закон, а граждане при этом имеют право их контролировать.

Я обращаю на это внимание потому, что при советской власти «народную демократию» противопоставляли буржуазной парламентской демократии, считая ее «прогнившей», «продавшей», «формальной» (такое определение дал ей Ленин). И она была действительно формальной в том смысле слова, в каком формальной является любая идея, то есть неким общим метафизическим понятием, не сводимым к эмпирическому содержанию. То есть предполагающим у человека ясное представление о том, что такое гражданин.

Александр Согомонов:

— В развитие этой мысли мне опять вспомнился Замятин. В его романе «Мы» жители государства назывались «нумера». А посему и вежливое обращение было — «уважаемый номер!»; очень редко говорили, например, «номер Д-513». А лучшие назывались «нумера из номеров». Конечно, саркастическая пародия. Но пародия на полную гражданскую обезличенность человека, сведение его к сугубо эмпирическому факту, лишенному метафизического морального начала.

Но вернемся к «культурным открытиям» в истории гражданского общества. Рассмотренные две традиции привели нас к пониманию того, как происходило первоначальное накопление европейских ценностей. Казалось бы, все для действенного гражданского общества к середине XVIII века было придумано и обосновано — индивидуальные свободы, раскрыты этические корни современного общества. Но для Европы этого оказалось недостаточно. И тогда европейская интеллектуальная мысль двинулась дальше.

Открытие третьей традиции связывают обычно с творчеством Шарля Луи Монтескье. Для него, в отличие от предшественников, любая авторитарная власть была неприемлема. О том, как ее «разделить», он писал много, но наиболее подробно о демополизации власти говорится в его трактате «О духе законов». Действительно Монтескье увидел в гражданском обществе простор для практических действий людей, объединяющихся в свободные ассоциации и союзы с целью защиты своих прав. Поэтому не случайно уже в XVIII веке толковые словари английского языка, определяя, что такое «гражданин», делали акцент на его общественной активности. Затем, вслед за Монтескье, сначала Георг Гегель, а позже Алексис де Токвиль, развили именно этот лейтмотив гражданского общества. Им удалось убедить Европу (Токвиль на примере американской демократии), что легитимное гражданское общество представляет собой прежде всего совокупность действующих лиц, объединенных общим интересом.

Токвиль, посетивший Америку, был потрясен, с какой легкостью и готовностью американцы объединялись для решения своих проблем. Гегель же писал, что между личностью и государством должно быть пространство, которое он называл гражданским обществом, защищающим общественные и государственные институты от узурпации. И что не менее важно, он

«допустил» в гражданское общество предпринимателя, отстаивающего свои экономические права и свободы. В этом смысле, в отличие от Локка, политические объединения и публичная политика последователями Монтескье стали рассматриваться как имманентная часть гражданского общества.

Этим третьим «открытием» европейская мысль проложила фактически дорогу к революционным преобразованиям XIX века, окончательно изменившим старый режим в Европе и определившим со временем появление на континенте современного политического и государственного ландшафта. Но прежде активистская интерпретация была с воодушевлением подхвачена Марксом, бывшим в молодости младогегельянцем. Без него и итальянца Антонио Грамши, развившего позднее евромарксизм, невозможно до конца понять формирование четвертой языковой традиции, заложившей основу для леворадикального понимания свободы и демократии. Ему свойствен язык гражданского сопротивления, неповиновения, конфликтности. Его адепты не отличали политическое действие от гражданского. А главное — отрицали формальный смысл демократии и метафизику свободы.

По сути, Маркс и впоследствии Грамши соединили предшествующие традиции и создали беспрецедентную антигосударственную и антилиберальную традицию. Ее «эффективность» была многократно доказана уличными столкновениями, народными волнениями и спонтанными бунтами, в ходе которых анархистская идея гражданских прав сталкивалась с консервативно-государственной.

Итак, мы видим, как на протяжении 300 лет европейской истории одна традиция гражданского языка накладыва-

лась на другую, создавая каждый раз оригинальную культурную среду и аутентичный для нее язык.

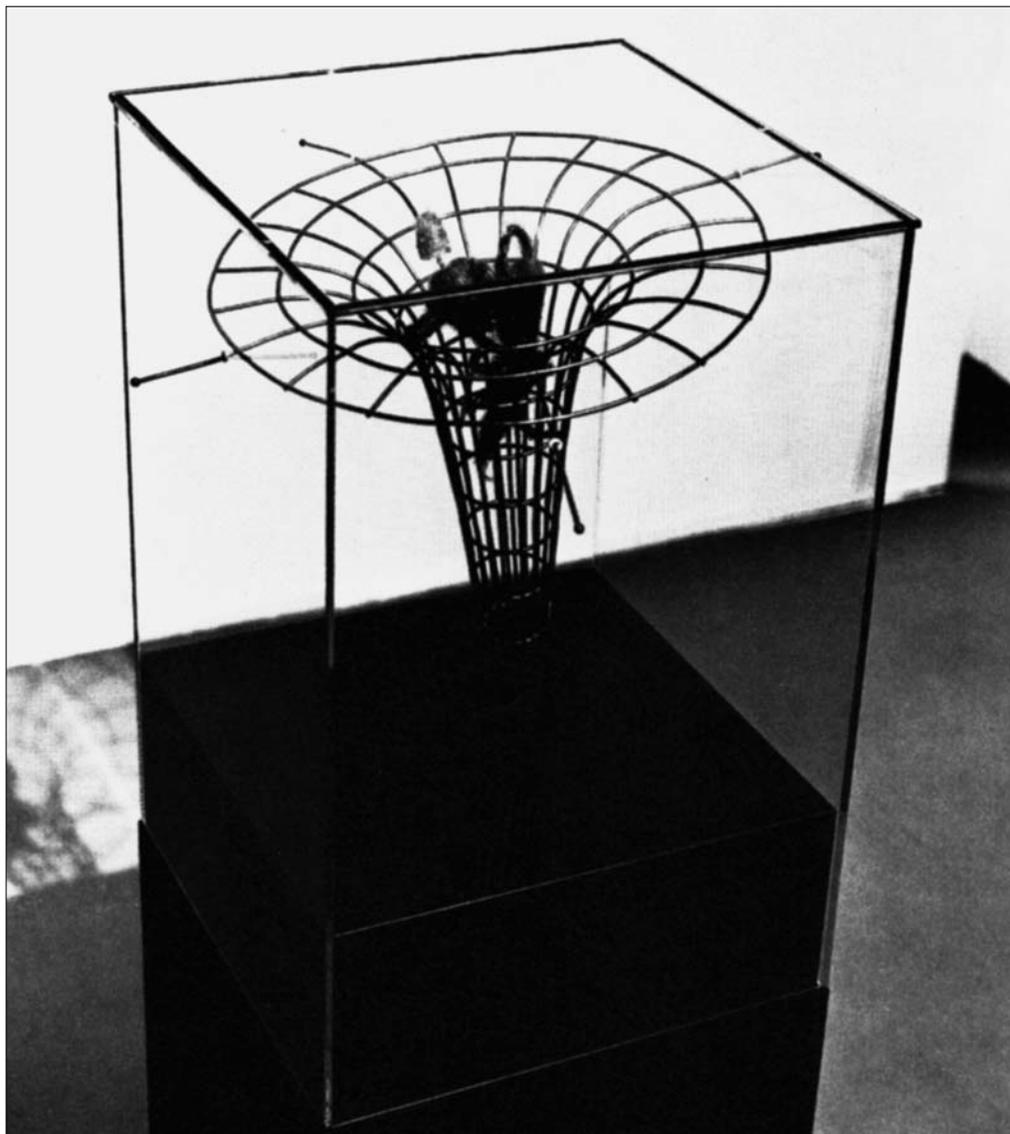
Разумеется, ни в одной из современных стран мы не найдем конкретного проявления какой-то одной традиции, скорее перед нами феномен культурного синтеза разных языков граждан-

Ю. Сенокосов: Хотя в конституциях современного государств говорится, что власть принадлежит народу, на самом деле она принадлежит тем, кто после выборов обладает правом на закон, а граждане при этом имеют право их контролировать

ского общества. То есть все дело в языковых нюансах и акцентах — если мы будем обращать на них внимание, не сложно будет понять, почему это общество в разных странах по-разному институционализировано, по-разному мобилизует людей и вступает в разные по типу отношения с государством. Вероятно, поэтому гражданское общество не сходит с повестки дня современной европейской политики и в последние десятилетия интерес к нему продолжает расти. А еще в середине прошлого века на страницах международных изданий вы не увидите столь частого обращения к этой теме.

Эрнест Геллнер, один из основателей Московской школы, попытался найти объяснение этому феномену. Он полагал, что на рубеже 80–90-х годов появилось общее понимание, что мир идет по одной колее, но разными путями, и риторически вопрошал: на каком языке тогда мы говорим? Видимо, базовый словарь гражданского общества все же может и должен существовать. Потому что и «рынок», и «демократия», и «правовое государство», и «гражданское общество» обладают универсальными значениями, как об этом свидетельствует европейская история, — они шире

Розмарин Трёкель. Черная дыра. 1986

локальных культур. Либо культуры существуют во внеправовом пространстве и остаются «архаическими», либо переходят к современному состоянию политического и общественного устройства жизни, то есть вливаются в единую — по языку и гражданским ценностям — цивилизацию. И еще несколько замечаний в заключение. Какая языковая традиция нам ближе — сплочения, солидарности, активизма или же разрушения?

Сегодня в мире издается более двух десятков международных журналов, так или иначе касающихся вопросов гражданского общества. Правовая проблематика в них лидирует. Очевидно, мир озабочен тем, как выработать универсальный юридический язык гражданского общества.

И наконец, об адресности языка. Кому и как мы направляем гражданский message? Речь в данном случае идет не о коммуникативных технологиях, а о

повседневных словах и смыслах. Люди, проживающие в провинциальных городах, не воспринимают гражданские универсалии в силу их кажущейся академичности. Участники сетевых сообществ — тоже, хотя и по другим причинам. Молодой средний класс увлечен англицизмами. А наши власти по-прежнему говорят на «приблатненном» советском языке «социалистической общественности».

Между тем ситуация меняется. В европейские языки вошло в последнее десятилетие новое понятие — «global civil society». Глобальное гражданское общество становится действенным фактором публичной наднациональной политики, наряду с адаптацией национальных юрисдикций к международному праву. То есть человечество медленными шагами приходит к осознанию единства человеческого рода.

Дмитрий Скворцов, политолог, Нижний Новгород:

— Вы сказали, что возрождение на Западе интереса к проблематике гражданского общества произошло в 80-е годы. Это, на ваш взгляд, было связано с концом эпохи индустриализма и переходом к постиндустриальной экономике?

Александр Согомонов:

— Вспомните, какое впечатление на среднего европейца произвело падение Берлинской стены и распад Советского Союза. На мой взгляд, эти события оказали более стимулирующее влияние на развитие западного гражданского сознания и пробуждение интереса к проблемам гражданского общества, в том числе и в России, чем переход к постиндустриальной экономике.

Дмитрий Скворцов:

— Когда вы говорили о репрессивном характере социалистической общественности и приводили примеры, я невольно вспомнил о скандале с председателем банка Германии, который написал книгу...

Александр Согомонов:

— В западном мире существует устойчивое представление о том, что если публичная фигура нарушает этические нормы, то и осуждение должно быть публичным. У нас же «социалистическая общественность» сама не изобретала норм, она просто подавляла любые формы частного и свободного поведения человека, правда, когда ей давали на это команду сверху.

Я чувствую, что мои «наезды» на «социалистическую общественность» вызывают в зале чувство внутреннего протеста.

Наталья Симонова, директор благотворительной общественной организации «Забота», член Общественной палаты Нижегородской области:

— Я считаю, что лезть в историю — не самое благодарное дело, и быть умнее тех, кто жил до нас, не совсем этично. Вы утверждали, что в Советском Союзе не могло быть гражданского общества, потому что не было рыночных отношений. Все правильно. В Советском Союзе, как магазины назывались? «Детский мир», «Мир искусства»... А сейчас? «Мир ботинка», «Мир окон», «Мир еды»... Рыночные ориентиры — в вывесках на магазинах. Мы говорим о высоких нравственных ценностях, которыми всегда отличались люди Советского Союза, иначе не было бы победы в Великой Отечественной, не было бы того энтузиазма в мирное время и т. д. Тогда жили мой дед и моя мама, и многие другие люди, которыми я горжусь. И я не могу сказать, что там все было наперекосяк... Если помнить о том, что гражданское общество — это и люди, носители определенных морально-этических ценностей, то, наверное, элементы гражданского общества тогда были.

Я не была комсомольским секретарем. Я была активной и делала то, что хотела, организовывала то, что могла, и мне это нравилось. То есть моя свобода,

желание что-то делать не были ограничены. Естественно, они были ограничены той поведенческой моделью, которая была в тот период социально одобряемой, и мы не выходили за рамки существующих норм. Вы блестяще манипулируете понятиями. А я сидела и думала: если вы говорите о языке, то в каком контексте вы об этом говорите? В итоге так и нет ответа: язык гражданского общества — он какой? О чем мы говорим — о морали, этике, о рынке, о политике? Вообще, слава богу, что такие дискуссии проводятся, но хотелось бы, чтобы они имели итог, а не знак вопроса в конце.

Александр Согомонов:

— А вам было бы проще, если я написал бы на доске определение, что такое гражданское общество?

Наталья Симонова:

— Нет, конечно. Но вы сказали, что гражданское общество может формироваться только в рыночных условиях. А для меня гражданское общество — это прежде всего люди, носители определенных качеств, которые формируют социальные отношения. И не думаю, что наш чиновник понимает, что такое «гражданское общество». Он считает, что в основном это городские сумасшедшие, которые объединились в общественные организации и проявляют свою активность. Я против такого понимания. Гражданское общество, как мне кажется, это прежде всего особая сфера отношений. Но чиновник ведь тоже гражданин. А у нас думают, что это начальник над народом. Какие тогда интересы выражают чиновники? Только свои собственные?

Игорь Зайцев, пресс-атташе Нижегородского отдела Волжского казачьего войска:

— Мы говорим о демократии, о гражданском обществе, а люди еще не созрели до понимания, что им нужно,

что является их насущной необходимостью. Почему исчезает понятная модель поведения. Ведь так все было хорошо при советской власти. Потому что не возникало других потребностей. Этот момент, мне кажется, очень важен, чтобы понять, почему сегодня в нашей стране восторжествовало потребительское право.

Юрий Сенокосов:

— Что такое гражданское общество? Во-первых, общий интерес, объединяющий людей для действий с целью создания более справедливой и комфортной жизни. И, во-вторых, как уже было сказано, это независимые институты — независимый суд, независимые СМИ, парламент, партии. Такие институты абсолютно необходимы, чтобы у власти не оказалась коррумпированная бюрократия. Поэтому я не думаю, что докладчик манипулировал понятиями, как сказала Наталья Симонова. Все мы граждане согласно паспорту, но понимаем ли мы, что такое гражданин?

Елена Немировская, основатель Московской школы политических исследований:

— Замечательно, что у нас идет дискуссия.

О наших родителях. Так могут сказать и о нас наши дети, что у нас тоже был энтузиазм и мы жили интересно. А что касается наших чиновников, то среди них, разумеется, тоже есть сегодня порядочные и честные люди, которые понимают свою деятельность как профессиональный долг. Но мы ведь сейчас не это обсуждаем. Отдельные люди всегда совершают поступки. Например, Сахаров, который был сослан в ваш город. Мне один из организаторов нашего круглого стола, Максим Сучков, сказал, что обычно всего несколько человек заходят в музей, посвященный его памяти. А это был, несомненно, выдающийся человек. Так что диссидентское движение

в СССР едва ли относилось к тому обществу, в котором оно существовало. Хотя известно, к чему призывали диссиденты: «Давайте соблюдать конституцию!». Но оказалось, что их призыв не нашел отклика. По-своему это были герои, но они не повлияли на массовое сознание. А между тем внести в это сознание правовой конституционный подход я считаю обязанностью просвещенного гражданина.

Да, когда мы говорим о гражданском обществе, мы говорим об обществе, в котором еще не жили. На мой взгляд, гражданин — это человек, который платит регулярно налоги, ходит на выборы и участвует в общественной жизни. То есть обладает гражданским сознанием. Я хотела спросить у Саши. Мы живем в стране, которую хорошо знаем и чувствуем, и меня интересует вопрос: чем отличается модернизация от трансформации?

Александр Согомонов:

— С точки зрения академической науки, модернизация является одной из форм трансформации, когда предшествующие формы общественных институтов осовремениваются и приобретают современный универсальный смысл. О человеке же гражданине я добавил бы следующее. Откройте словарь Даля: «Гражданин — это посадский человек». Второе значение: «принадлежность человека к государству», то есть тоже пассивное толкование. В советском словаре Ожегова «гражданин — всякий взрослый человек». А когда начинаешь читать английский толковый словарь Вебстера или французский словарь Робера, оказывается, что, кроме записи в паспорте о «принадлежности человека к государству», у него еще есть права и соответствующие обязанности. Есть загадка морали. О ней тоже пишет Михаил Замятин. В обществе его анти-

утопии было прописано, как все должно быть организовано: как стоять должны станки, как гудеть гудок и т. д. Вплоть до последних мелочей. И Замятин с иронией отмечает: все-таки в «древности» были великие люди, но почему такому великому человеку, как Тейлор, ничего не посвящено, а какому-то там Канту,

Н. Симонова: не думаю, что наш чиновник понимает, что такое «гражданское общество». Он считает, что в основном это городские сумасшедшие, которые объединились в общественные организации и проявляют свою активность.

который убедил нас в том, что невозможно понять тайну морали, тысячи книг. Почему один человек поступает морально, а другой нет? Активный и пассивный гражданин — это такая же тайна, как моральное и неморальное поведение. Заметьте, я говорю не «аморальное», а «неморальное». То есть имею в виду поведение, еще не основанное на внутренних принципах. Большинство наших поступков мы совершаем, как правило, боясь внешнего осуждения (чувство стыда) или же боясь, что нас за это накажут (чувство страха). А поведение, которое основано на понимании «не могу молчать!», на мой взгляд, это поведение как раз гражданина, современного человека.

Мы все помним известный парадокс: как нельзя действовать, не имея ничего за душой, так и нельзя иметь что-то за душой и не действовать. Эти две жизненные линии в биографии одного человека неразделимы. Демократия часто трактуется как только политический инструмент. Но демократия одновременно — это глубинное ценностное отношение к общественной жизни и участие в ней. Так же и гражданское общество начинается с того, что ты осознаешь свою солидарность с другими людьми.